

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

В защиту критики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806805

Аннотация

«Как всем известно, жизнеспособность организма познается по той степени сопротивления, какое приходится ему преодолевать в борьбе за существование; тем же признаком определяется и всякая сила, будет ли это – сила живая или механическая. Так в оранжерее, при ее исключительном тепле, добываемом огромной затратой дров на отопление, самое дрянное и квёленькое растение может возомнить себя деревом и ползть к потолку; выставленное даже на средний мороз, оно немедленно гибнет, тем самым явно свидетельствуя о своем истинном бессилии...»

Леонид Николаевич Андреев

В защиту критики

*...Так тяжкий млат,
дробя стекло, кует булат.*

Пушкин

*Ежели, дескать, каждый-то день пса кормить,
так он, чего доброго, в одну неделю разопсеет.*

Щедрин

*Надо с нами, со псами, серьезно поступать:
и за дело бей, и без дела бей – вперед наука!*

*Тогда только мы, псы, настоящими псами
будем!*

Щедрин

Как всем известно, жизнеспособность организма познается по той степени сопротивления, какое приходится ему преодолевать в борьбе за существование; тем же признаком определяется и всякая сила, будет ли это – сила живая или механическая. Так в оранжерее, при ее исключительном тепле, добываемом огромной затратой дров на отопление, самое дрянное и квёленькое растение может возомнить себя деревом и полезть к потолку; выставленное даже на средний мороз, оно немедленно гибнет, тем самым явно свидетельствуя

о своем истинном бессилии.

То же самое и с талантом. Возьмите самый маленький талант, согрейте его, поливайте ежедневно слезами восхищения, подпирайте колышками его слабую древесину, лелейте и хольте – и вот у вас получится пышный куст, изобилующий цветами. Но хорошо ли это будет? Не нарушится ли правда биологическая, по которой все в этой жизни добывается с бою? Не будет ли таким поступком оскорблена сама народная мудрость, извлекающая из опыта суровое, но справедливое правило: «Кабы на горох да не мороз, он бы и через тын перерос»?! И не нарушится ли, наконец, сама мировая гармония, если всякий горошишко будет перерастать через тын?

Но эти вопросы напрасно тревожат ум. Мудрая и предусмотрительная природа, создавая в море щуку с единственной целью не дать задремывать карасю, для растений сотворила мороз, ограничивающий их произвольный и даже наглый рост, для пса Трезора выдумала купца Воротилова, который своевременным пинком, цепью и голодными помоями вводит размечтавшегося пса в круг прямых его обязанностей, – и, наконец, для таланта нарочито сочинила так называемую критику.

К сожалению, не все критики понимают ту высокую цель, ради которой появились они на земле; и даже у нас, в России, где зоологические основания наиболее прочны, всегда можно было найти трех-четыре критиков, которые покровительствовали талантам, вместо того чтобы их преследо-

вать, морозить, корнать, душить и тем выявлять их истинную силу. Вместо того чтобы ненавидеть искусство, они его любят; вместо того чтобы, подобно суровому морозу, с высоким безразличием одинаково прихлопывать и горох, и розу, и лопух, и виноград, – они пытаются что-то рассмотреть, внести какие-то вредные разделения, часто обнаруживают даже пристрастие! Само собою понятен вред, отсюда вытекающий.

Но эти исключения редки и едва ли могут приниматься в расчет при рассмотрении вопроса о великой роли и полезности критики. Ибо большинство критиков, совершенно правильно поняв свою жизненную задачу, все недюжинные силы свои охотно посвящают на постоянную кровавую борьбу с талантом. Следуя биологическому принципу: «Я тебя буду душить, а ты все-таки расти, если можешь», – они тщательно душат всякого писателя и художника, сажают его на кол, пытаются выковырять ему глаза, режут поджилки. Способ придушения, наиболее распространенный ввиду своей доступности, – он требует только двух здоровых рук, – удобен еще в том смысле, что дает возможность критику рассмотреть «язык» у придушенного и таким образом определить и стиль; но и другие способы не лишены своих выгод: так, сажание на кол дает возможность определить удельный вес писателя, а подрезанные поджилки – крепость его ног.

И чем критик безразличнее, чем менее доступна ему разница между розой и лопухом, чем более он слеп, глух и бес-

толков, тем продуктивнее его работа и тем больше он приближается к возвышенному образу Фемиды с завязанными глазами или сурового Рока. Ум, чуткость, широкий взгляд на мир, талант и образованность вредны критику. Способность к увлечениям – также. И наоборот: наилучшим оружием критика в борьбе является невежество и безразличие идиота (или Рока, что звучит красивее) к судьбам искусства и людей.

Только при наличии этих условий критик приобретает ту великую и непобедимую свободу в борьбе с талантом, которая позволяет ему шельмовать Достоевского, находить бездарным Льва Толстого и «Ревизора» признавать фарсом. Как бы он осмелился поднять руку на «Анну Каренину» или «Братьев Карамазовых», не носи он столь твердого панциря, не будь он глух и слеп, как щедринский сенатор, не обладай он такими крепкими принципами идиота (или Рока, что звучит красивее)!

Конечно, в этой борьбе, где вдобавок на стороне критики еще и численное превосходство и писателя всегда бьют скопом, как конокрада, слабые и узкогрудые таланты, подобно Надсону, гибнут совершенно, кончаются вместе с жизнью. Но разве в этом нет высшей, почти божеской справедливости, по которой и все слабое обречено на гибель и уничтожение? «Раз не выдержал, то, стало быть, туда ему и дорога», – справедливо резюмирует критик результаты своих многолетних и бескорыстных усилий, а на жалобы гибнущих и осла-

бевающих суровым жестом указывает на того же Толстого и Достоевского.

– Чего ты хнычешь, кисляй! Смотри: не мы ли душили и заушали Достоевского, не мы ли жизнь отравляли Чехову и «приканчивали» еще живого Горького, – а что из этого вышло? Вышли очень хорошие писатели, которых мы теперь и сами уважаем. Так и ты выходи хорошим писателем и держись на твоём заборе крепче, пока я буду тащить тебя за ноги и стаей собак выть у твоего подножия. Не жалуйся и не скули, а держись!

Самый смысл этой борьбы с талантом еще глубже, чем это видимо с первого взгляда. Ибо здесь, при самых различных формах, всегда идет борьба за одно: за власть. Каждый писатель, каждый художник уже тем самым, что он – талант, неизбежно стремится властвовать над умами и душами, устанавливая новые для толпы законы формы и вкуса, требует отказа от привычного и подчинения своим идеям; и как бы мало сам ни сознавал свои властительные замашки – критик сразу его понимает и весь ощетиливается для борьбы.

– Ты?! Это ты хочешь стать господином? – говорит он яростно, засучивая рукава. – Ну так – стань им!

Отсюда и напряженная борьба почти всегда соответствует силе нового таланта, степени его новизны и властительности. Даже большой, но скромный талант, скромно поддакивающий вчерашнему дню, самым слепым и сердитым кри-

ком встречается приветливо. Но беда Чеховым, беда Врубелям, беда Достоевским! Здесь талант не должен ждать никакой пощады, а всё его дарование – на собственные силы и широкую грудь, где бьется сильное сердце и куда не залезут никакие туберкулезы. А если грудь узка, а сердце слишком чувствительно и мягко, если не двужилен ты, как ломовая лошадь, – то лучше не топоришься ты, талант, а гибни поскорее, лезь добром в темную яму! И тогда с тем же трудолюбием, с каким рылась для тебя яма, та же критика будет день за днем реабилитировать тебя, чествовать каждогодие твоей скромной, хотя и не вполне добровольной смерти.

В нарисованной мною картине, утешительность которой признает всякий беспристрастный человек, есть один пробел, который постараюсь восполнить. Речь идет о писателях и художниках, которые в то же самое время и критики. Утешительно это или нет? Как к этому отнестись? Для самого писателя такое совмещение, конечно, утешительно: оно дает ему возможность бороться с критикой и другими писателями обычным критическим оружием, на которое я указал выше. А так как критики, по общему наблюдению, решительно не выносят, чтобы о них что-нибудь писалось и говорилось, то в интересах самоохраны они избегают неосторожно касаться «говорящего» писателя и, естественно, предпочитают ему безмолвных, – это уже большая выгода. Возможность же, вмешавшись в толпу критиков и перелицевавшись иногда до неузнаваемости, слегка расчистить себе путь и об-

легчить трудное дело жизни – тоже выгода не малая.

Но, как норма, такое совмещение двух естеств и уподобление купцу, который днем торговал, а ночью под видом собаки лаял на воров, мне кажется ненужным и даже опасным. Ибо, если в немногих случаях писатель-критик сумеет присоединиться к исключениям и сохранить чистоту своего таланта и задач, то в большинстве, увлекаемый пылом борьбы за существование, он легко может с прямого пути свернуть на ту лесную тропку, по которой ходят к водопою и на работу критические стада. А если и писатель начнет душить, корнать, морозить и законопачивать брата писателя, то это уж будет незаконно, это уж даже и не биологично: ведь даже и ворон ворону глаз не выклюнет, и если хищные волки и загрызают слабеющих товарищей, – ни одна хрестоматия им этого в заслугу не ставит. Лишнее!

Так, «в бореньях силы напрягая», мужает истинный талант под суровым напором безликой и недремлющей критики. Ни мгновения отдыха, ни минуты покоя – всегда под оружием, всегда на коне! Здесь в плен не берут и почетных капитуляций не знают – жив, пока на ногах, а пошарахнулся на скользком месте, а задремал от усталости – тут тебе и каюк. Не спит и не дремлет многоглазая стая и воплем жадного ликования встречает каждого упавшего: это ее законная добыча! И пусть один критик заплачет о павшем или руку помощи протянет слабеющему – тысячи его критических подобиий в шумном потоке своем затопят его, его благородный

жест сотрут и затеряют в чаще поднятых рук и оскаленных зубов.

Моя защита критики была бы не полна, если бы я не указал на одно еще обстоятельство, доселе казавшееся сомнительным: когда художник ищет новых путей в искусстве, то не критике ли мы этим обязаны? Конечно, критике. Помните зайца, удирающего от гончих, – а сколько новых путей открывает заяц, позади которого гончие!